

Грохот, грохот, грохот... Под размеренный стук колёс поезд наконец плавно тронулся с места.

Чжан Сяовэй прислонился к дверям вагона, сдерживая готовые пролиться слёзы, и смотрел на Чжан Чжи, который отчаянно махал ему рукой с перрона.

Чжан Сяовэй знал: если бы поезд опоздал хоть на минуту, он непременно спрыгнул бы вниз, бросился в крепкие объятия этого мужчины, прижался бы к нему изо всех сил и больше никогда не отпустил.

Чжан Сяовэй смотрел на Чжан Чжи, не мигая, страшась упустить хотя бы секунду.

Люди бывают разными. На одних ты можешь смотреть бесконечно, и они никогда тебе не надоедят; на других же бросишь лишний взгляд — и уже чувствуешь невыносимую усталость. Есть люди, которых случайно увидишь мельком — и потом помнишь всю жизнь, а другие маячат перед глазами изо дня в день, но ты их просто не замечаешь.

Что до Чжан Сяовэй, то стоило ему закрыть глаза, как в памяти тут же всплывали хмурый взгляд Чжан Чжи и его лукавая улыбка.

Его образ не нужно было вырисовывать нарочно — Чжан Чжи незаметно проник до самого костного мозга.

Поезд постепенно увеличивал расстояние между ними, но Чжан Сяовэй всё ещё отчётливо читал по губам Чжан Чжи: «Я жду тебя, я жду тебя, я жду тебя».

Сколько он себя помнил, так было всегда: им не нужны были лишние слова, достаточно было просто взглянуть друг на друга, чтобы понять чужие мысли.

Чжан Сяовэй не хотел называть это духовным единением и полным взаимопониманием, потому что такие красивые и нежные слова, применённые к двум мужчинам, казались ему несколько неловкими.

Поезд нёсся всё быстрее и быстрее, пока наконец Чжан Чжи не превратился в маленькую чёрную точку и совсем не исчез за горизонтом.

Чжан Сяовэй поднял голову, и слёзы, так долго сдерживаемые в уголках глаз, всё же покатались по щекам.

Не заботясь о взглядах окружающих, он сжал кулаки и принялся колотить по двери вагона, бормоча про себя: «Дурак! Дурак! Какой же ты дурак! Тебе так трудно было сказать всего одно слово: "Останься"?!»

Чжан Сяовэй с детства не любил сцены прощания. Самое слово «разлука» уже несло в себе оттенок безысходности. Он до смерти боялся этих плаксивых, надрывающих душу моментов, когда уходящий оглядывается на каждом шагу. Они неизменно напоминали ему крылатое выражение: смелый воин уходит в один конец и не возвращается. Но ведь они не навек прощаются, к чему все эти драматические излишества?

Поэтому, отправляясь на учебу в университет на поезде, Чжан Сяовэй решительно отверг настойчивые попытки родителей проводить его. Другьям же он солгал, сдвинув дату начала занятий на неделю позже, чтобы у него была возможность уехать в тишине и одиночестве.

Когда Чжан Сяовэй с чемоданом в руке подошёл к вокзалу, сердце его дрогнуло, и он инстинктивно принялся выискивать в толпе знакомый силуэт.

Он заметил его с первого же взгляда: высокий и худой, он стоял среди толпы, держа в одной руке большой пакет, а другую засунув в карман брюк, слегка склонив голову и глядя на него с полуулыбкой. Полуденное солнце падало на его плечи, окутывая мягким сиянием, отчего он казался удивительно чистым и ещё сильнее выделялся среди остальных.

Джинсы в сочетании с ослепительно-белой рубашкой — этот красивый образ точь-в-точь повторял то, как он бесчисленное количество раз видел его во сне. Пожалуй, это был его самый любимый облик Чжан Чжи.

Появление Чжан Чжи не удивило и не обрадовало Чжан Сяовэя, словно всё это было предreshено заранее.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, а затем Чжан Чжи улыбнулся, обнажив ряд белых зубов, и широким шагом направился к Чжан Сяовэю.

Подойдя вплотную, Чжан Чжи привычным движением забрал у него чемодан и с улыбкой произвел:

— Думал, сможешь так запросто улизнуть? Говорю тебе, тебе никогда в жизни от меня не избавиться!

Чжан Сяовэй принял из протянутых рук пакет с закусками и, опустив голову, тихо усмехнулся.

Чжан Чжи приобнял его за плечи свободной рукой, и они не спеша направились к зала ожидания.

Внезапно Чжан Сяовэй сообразил, что незаметно догнал Чжан Чжи по росту. Он разглядывал волевое лицо Чжан Чжи и едва пробивающийся пушок над верхней губой, как вдруг тот, словно почувствовав взгляд, повернул голову. Чжан Сяовэй испуганно потупился, ощущая, как лицо заливают жар. В этот момент до него донёлся еле уловимый аромат, исходивший от Чжан Чжи

— знакомый запах стирального порошка, свежий и чистый. Чжан Сяовэю он ужасно нравился; впрочем, ему нравилось абсолютно всё, что было связано с Чжан Чжи.

Сидя в зале ожидания, Чжан Сяовэй по-прежнему хранил молчание.

Атмосфера была немного натянутой. Чувствуя себя неудобно, Чжан Чжи потрепал Чжан Сяовэя по мягким волосам и улыбнулся:

— О чём снова задумался наш великий талант? Уж не улетели ли твои мысли в Чанша?

Чжан Сяовэй бросил на него взгляд, шевельнул губами, но ничего не сказал и лишь криво улыбнулся. На самом деле ему хотелось сказать: «Где ты, там и моё сердце».

Поразмыслив немного, Чжан Сяовэй так и не произнёс этого вслух: ему всё ещё казалось, что это звучит слишком сентиментально, особенно в таком многолюдном месте.

Чжан Чжи улыбнулся:

— Тебе так идет, когда ты улыбаешься, поэтому в университете улыбайся почаще и побольше общайся с людьми.

— С чего это мне с ними общаться? Я их совсем не знаю, — наконец подал голос Чжан Сяовэй.

— Разве не познакомишься в процессе общения? И как ты собираешься заводить друзей и друзей в университете, если будешь вести себя так? — заметив, как изменилось лицо Чжан Сяовэя, Чжан Чжи тут же поправился: — Когда ты делаешь такое каменное лицо, на тебя реально страшно смотреть.

Чжан Сяовэй с лёгким раздражением взглянул на часы, поднялся и произвел:

— Пора на посадку. Вещей мало, тебе необязательно идти со мной, к тому же придется покупать билет для сопровождающих, одни хлопоты.

— Ты вечно боишься кого-то обременять, с чего ты взял, что это хлопоты? — возразил Чжан Чжи.

— Ладно, поступай как знаешь.

Чжан Сяовэй знал, что если Чжан Чжи упрётся, его не сдвинуть с места и десятком быков.

Чжан Чжи нёс в одной руке чемодан, в другой — пакет с закусками, и они медленно двинулись

вперёд.

Чжан Сяовэй несколько раз замечал, как Чжан Чжи хочет что-то сказать, но колеблется, и едва сдерживал улыбку.

Этот его смущённый и простоватый вид казался ему невероятно милым и привлекательным.

Чжан Сяовэй прекрасно понимал, о чём хочет сказать Чжан Чжи. Он всё ждал, когда тот наконец решится, но тот всё не смел вымолвить ни слова. Чжан Сяовэй даже немного пал духом: тот всё так же не хватало смелости, впрочем, как и ему самому.

Сто метров пути они преодолевали черепашьям шагом. Наконец они добрались до поезда, и когда Чжан Чжи попытался сам затащить чемодан наверх, Чжан Сяовэй решительно отказался.

— Вещей немного, я и сам справлюсь.

Чжан Чжи немного помялся и произвел:

— Ладно, береги себя, будь осторожен.

С этими словами он широко раскинул руки, словно готовый взлететь орёл.

Чжан Сяовэй тоже распахнул объятия, и они крепко прижались друг к другу.

Он обнимал его так крепко, так истово, словно хотел раствориться в его теле.

В тот же миг глаза Чжан Сяовэя наполнились слезами. Он чувствовал горячее дыхание Чжан Чжи у самого своего уха, слышал, как учащенно и тяжело тот дышит. Чжан Сяовэй отчётливо осознавал, что его собственное сердце колотится как безумное, а лицо пылает огнем.

И тут он услышал шёпот Чжан Чжи, долетавший прямо до самого уха:

— Только не вздумай мне тут невест выискивать, а то в следующий раз вернёшься — и чтобы я привёл младшую невестку в дом.

Чжан Сяовэй оттолкнул Чжан Чжи и бросился в вагон, не оглядываясь. До самого конца он так и не обернулся, смертельно боясь, что стоит ему лишь взглянуть назад — и пути назад уже не будет!